«РУССКИЙ STIL – 2019». ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Автор: Ольги Равченко, писатель, член МГП

Альманах «Русский Stil – 2019» настолько значителен и всеобъемлющ, что писать о нём можно исключительно *рандомно* (то есть на удачу).

1. «…где нет слов – только море света…»

Четыре автора, достигших поэтических сфер, которые иначе как горними не назовёшь.

Открывает сборник Марина Полунина, являющая читателю сво́й «Хлеб и виноград»:

А все потому, что ее котомка полна –
Какое-то чудо – полна на века
Изюма и сухарей.

Казалось бы, избитая тема, но гениально просто (или просто гениально?) звучит она в исполнении Марины!

«Тебе в Пасху» – второе – неизбывно-вечное Библейское чудо:

Там, в каком-нибудь сентябре,
мы, нацарапанные на коре,
лежим – две людьми забытые руны.

Ты – рифма во мне, единственная на земле.
Не нашел другой за две тысячи лет
ни один из двух тысяч поэтов.

«Калинов мост» Галины Самусенко ввергает в Явь и Навь, испытует вечным выбором между Добром и Злом:

А ставки, между прочим, высоки –
моя душа, да головы змеёвы…

«Признание в любви поэту» от Галины – опять-таки – предвечные единство и борьба противоположностей:

Чёрт возьми, ненавижу тебя!

Слушая сердце, от которого, вроде бы, отлегло, Татьяна Шпартова влечёт в сутинские Смиловичи:

В захолустном поселенье как взросла пассионарность!
Это цветопредставленье, разрушенье всех клише!
[…]
…на пурпурном полотенце три копченые селедки,

вожделенные селедки, и две луковки при них.

Владелица крыльев на вырост – Виктория Топоногова, лежит «на дне. На дне травы», внимая то ли Шагаловской, то ли Бездомновской козе «с библейскими глазами», в которых «трепещут слёзы / С облаками, ветром и рекой». Роскошный Дюреровский заяц – по сравнению с Топоноговской козой – заземлён (но нé приземлён)…

Ирина Вышегородцева – более земная, чем три предыдущих автора, но отличная от простых жён уже тем, что «ждала, как Фелиция Кафку».

Валерий Савостьянов повествует грустную историю о флюгере, не могущем летать, как птицы:

Забыл, забыл он, как цвела
В полях гречиха,
Когда кричала и звала
Его грачиха…

Вспоминается «Отживший флюгер» раннего Лорки, написанный в Мадриде в декабре 1920 года:

Опускайся ко дну
под зелёную жирную землю
в поисках огненной славы,
даже если издали позовут
тебя грустные башни
и услышишь не флюгеры –
крики твоих друзей.
Утопай в зеленоватом сукне
своего ложа.
[…]
Прячься глубже,
иначе тебя увезут
старьёвщики.
Если б мог я
отдать тебе друга –
своё сердце, такое неверное!

Интересно вернуться к «Прозе», «Публицистике…», «Сказке» и проч., которые я судила, а теперь приторачиваю произведения – к авторам.

Наталья Росина – с «Последними днями атеиста», ждущего смерти «среди таких же старых и ненужных вещей, как и он сам».

Валерий Ременюк – с «Защитником Брестской крепости» – в момент страшной истины:

– …именно мой дед, лейтенант Игнат Прохоров, командовал расстрелом…

Галина Долгая – с «Тешик-Таш» – «Пещерой с дыркой». «48 000 лет тому назад… […] Последним покидая пещеру, вождь оглянулся. Девочка мирно лежала под защитой рогов

козла, поставленного над ней. […] Он сделал всё как надо! Но почему птица, живущая в его груди, сжалась и не рвется на волю?..»

Виктория Медведева – с «Головой доцента Дулина»: «Но все бесполезно. Доцент Дулин молчит. Неужели бренное тело так важно даже для Гениев?»

Хороша Марина Татарская с юмореской «Я – лошадь»: «Не догнать! Не оседлать! Не подковать!»

Рассказу «И звон медалей их стоны заглушил» Николая Талызина не дала бы 1 место из-за одной-единственной фразы из категории «грубый натурализм»: «Ах, как мне стыдно, что я в то время…» Всё же, на мой взгляд, даже в чисто «мужской» прозе достаточно средств для выражения мыслей.

Татьяна Попова, Елена Данченко и Валерий Савостьянов представили критические статьи – «Сага о жизни и любви», «Строка личного бессмертия» и «Что там, на Родине?» – соответственно. Разумеется, их следует читать.

В номинации «Юмор» приятно поразил Максим Сафиулин, – в частности, двустишием:

С женщиной спор, как приём стоматолога:
Будет, наверное, больно. И дорого.

«Мечты… Мечты…» Галины Самусенко – привычная жанровая живопись (она же – станково-батальная):

Хочется быть леди, да рождена бабой –
Конь застоялся в стойле, в доме дымит печь.
[…]
Да на войне мой милый, в танковом батальоне.
Мышка стреляет метко в твёрдой его руке.
Я копошусь в реале…
[…]
– Домик… оно конечно… Жалко, не на Карибах…

«Воронья обида» от Галины Самусенко ведёт прямой дорогой в «Басню про лесной профсоюз» Виктории Топоноговой, а там – и до столбовой «Дороги через поле» Татьяны Шпартовой – рукой подать:

Раскатан шинами коровий блин,
чертополох повыпустил помпоны,
ржавеет исполинская полынь
на почве тощей в тон сиены жженой…

«Рождественская сказка» Дмитрия Воронина: камешек – в большинства из нас – огород: «Еще один членский билет…»

«Лев и джаз» Игоря Хентова: «львам ничто человеческое не чуждо…» Охотно прошу: «Сыграй “Караван”!»

«Новый глупый француз» Сергея Никифорова – по мотивам рассказа А. П. Чехова. Читателю не остаётся ничего другого, кроме как восклицать вместе с героем: «Боже мой, он обогнал три машины? Это даже неестественно…» – и возражать ему, выражая благородный гнев: «То есть, э… э… дорожные условия требуют! Как же не ехать-то? Да и козла этого надо догнать – он же в вас окурком!»

Очарователен «Цуцик» Виктории Топоноговой, а «на работе не в курсе. И пассажирам он не так часто показывается, обычно прячется»!

В номинации «Нашим детям» хороши стихи Елены Лариной – прежде всего, оригинальностью:

…а сверху на росинке спит
божия коровка,
а у неё на спинке
стоит, качаясь, цапля
и сотню мелких пташек
на крыльях держит ловко.
А наверху – зверюшки…
[…]
И всё это качается
на кончике травинки,
и ты её нечаянно
не зацепи ботинком…

Хочется верить, что мы стали свидетелями рождения Генриха Сапгира, Бориса Заходера или Юнны Мориц XXI века (в списке классики, в том числе – детской, литературы – представлены по старшинству).

Цикл «Сороки да вороны» Нины Мацевило (Рудой), безусловно, вышел из-под пера мастера. Искренне рада, что мнения жюри совпали.

Трогательна и не совсем обычна сказка Натальи Понуровой «Я буду любить тебя всегда!».

«Все одинаковые, только вон та необычная!» – будто вступает со мною в спор Татьяна Попова, повествующая о том, «Как появились ёлочные шары».

Делю радости и печали героя оптимистичного рассказа Дмитрия Воронина «Воздушный шарик», который, кстати, вовсе не лопнул.

Напомню, что выбор произведений – *рандомный*, а все участники альманаха – избранники, даже если в данном обзоре не пал выбор на их произведения.

Сложнее всего мне было судить номинацию «Париж для меня»: слишком легко скатиться в *банальщину* – особенно в поэзии, – так что предпочитаю взять паузу.

Отмечу лишь эссе Эммы Прибыльской – не слащаво-приторное, а заинтересованное, познавательное, образное, предельно конкретное и насыщенное: «Хорошо в чужой стране заниматься делом – смотреть, учиться. Впитывать впечатления. […] Жить и умереть в отрыве от родных корней? Не хочу такой потери родины. Для меня Париж – не драма. Вдохновляет пример людей, в эмиграции нашедших применение своим силам: общее культурное пространство, которое делится со всем светом, но не подменяет собой корни, а позволяет их обогатить, связать в один контекст.

Париж как нити, связывающие мир в единое целое, был и остаётся центром притяжения: мы притянулись, впечатлились, вернулись – и сами стали живой связью.

Теперь вот делимся со всеми!» [«…морем света…»]

В номинации «Всего 60 слов» Галина Долгая – единственный победитель, что лично меня радует.

2. «Её величество книга!» для меня – повод с благодарностью вспомнить старый добрый Московский фестиваль и порадоваться за коллег, с некоторыми из которых знакома благодаря Литературной гостиной МГП

Тогда, в Москве, трём победителям в конкурсе дали медали – на ленточках.

Мне дали так что-то – в коробочке. «Ну, вот, – подумала я, грешным делом. – И верёвочки не заслужили»…

3. V.I.P.

Благодаря судейству конкурсов «Русский Stil» и я *повипую*!

Ма́стерская проза – «Пуримшпиль» – от Моисея Бороды: так называется традиционное еврейское юмористическое представление или сценка, которую разыгрывают в еврейский праздник Пурим. Отсюда и название: «пуримшпиль» переводится с идиш как «пуримская игра». «“Швило, гмерти квелганаа”. Он не понимает этого, хочет переспросить, но веки его слипаются, и он засыпает»…

Отрывок из романа Михаила Ландбурга «Стража госпожи А.» вне контекста, с его «Тишиною Пу́таной», увы, не понимаю, но верю. Браво!

Мечтаю вместе с Викторией Левиной: «Я чемодан тебе куплю…», «брожу Арменией тишайшей претенденткой / на почитательницу гор и богомолку», являюсь «гостьей незваной / духа лесного в чащу» и устремляюсь в Болгарию, где «меня ждёт дом»:

[…] Там песнь Орфея,
с которой состязаться не посмеют
ни гамма ветра, ни судьбы Грааль.

«САРАФАНЯ» Марины Старчевской вызвала добрую улыбку, поскольку напомнила мне ответ моей дочери на вопрос, как зовут воспитательницу: «Василина Петровна» – поскольку детсадовская нянечка называла одну воспитательницу Васильевной, другую – Петровной.

И улыбку – горькую: «…по-видимому, сосед был совершенно уверен, что внучка расстрелянного при Хрущёве хозяйственника и дочка посаженного ни за что отца – зря трепаться не будет».

– Деньги-то нашлись?

– Нет… Вот, смотри! – она вынесла из кабинета листочек в косую полоску, на котором кривыми буквами слитно было написано «САРАФАНЯ».

Рассказ Елены Яхненко «Отдам арфу в хорошие руки» напомнил одного моего знакомого – итальянца, подарившего рояль незнакомому чешскому музыканту, а моя подруга «сбагрила» живое фортепиано многодетному отцу – сирийскому доктору, а моему внуку –

двенадцатиструнную гитару, которую её невестка собралась выбросить «в пепельницу», то есть снести на (*бел*). *сметнік (памыйную яму)*. Да не оскудеет рука дающего!

Татьяна Кайзер – с «Надеждой» каждому путнику, вступающему в жизнь.

Леонид Колганов – с посвященьями Валентине Бендерской – и сама Валентина – мольбой:

Подними меня над эрой…
[…]
Я ль не созидатель света,
твоя копия точь-в точь?

Вроде бы, удалось окончательно и бесповоротно состыковаться с «морем света». Пора бы и честь знать, но:

4. Есть ещё в альманахе «Земля Обетованная» – списком

5. И встречается – не везде – многострадальная буква «ё»

За которую авторам – отдельное спасибо, поскольку в России её, похоже, не собираются восстанавливать в правах – мол, в её отсутствие типографской краски экономия большая.

А теперь представим, что кому-то взбрендит (в смысле кто-то потеряет рассудок) и решит сэкономить на букве «й»?!.

Дай Бог, чтоб сбрендил – в устаревшем смысле: струсил…